

В.Ю. КОВАЛЬ, А.Н. МЕДВЕДЬ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

При охранных археологических раскопках 1997 г. на городище летописного Ростиславля Рязанского (Озерский район Московской области) был найден обломок белокаменного (известнякового) блока с фрагментом надписи, выполненной в технике глубокой тонкой линейной резьбы (рис. 1 и 2). Эпиграфические находки на территории Рязанской земли (в состав которой некогда входил Ростиславль) – исключительная редкость, а образцы эпиграфики на белом камне до сих пор здесь не были известны вовсе.

Размеры обломка 23 × 13 см, толщина 7–12 см (задняя поверхность сколота). Сохранились две боковые поверхности блока, несущие следы грубой отески. Лицевая плоскость блока не была достаточно тщательно выровнена (имеются бугры и западины), но при этом сама поверхность камня здесь подвергалась шлифовке. Вдоль верхнего края блока сделан уступ (фаска) шириной 1,5–2 см при глубине 0,5–0,7 см. Видимо, такой же уступ проходил вдоль левого края блока, который поврежден мелкими сколами. Таким образом, на камне сохранился левый верхний угол текста. Известняк, послуживший материалом для блока, ничем не отличается от того, которым сложен весь коренной правый берег р. Оки от Каширы до Коломны и добывается в близлежащих карьерах (Щуровском, Городнянском); он представляет собой прочный камень чистого белого цвета, низкой пористости. Этот известняк слагает основание мыса, на котором стоит Ростиславль, и из него состоит большинство камней, в изобилии встречающихся в культурном слое городища.

Надпись на фрагменте блока расположена горизонтально и состоит из букв древнерусского алфавита ("кириллицы"), размещенных в трех строках. Кроме того, две буквы ("Г", "С") находились слева от строчной надписи, на уровне между первой и второй строками.

В первой строке читаются буквы: "К", "Р", "С", "Т", "Ъ", "П", "О", "С" (фрагментарно); во второй – "К", "О", "М", "Л", "Юс малый", "Т", "А", в третьей – "М", "А", "Т", "Ять". Качество начертания букв различно. Так, буквы Г, К, Л, С (в монограмме "Иисус") почти процарапаны, тогда как буквы А, М, О, П, С (в слове "крест"), Т, Ъ, Юс, Ять прорезаны более глубоко и гораздо четче. По-видимому, резчик не имел достаточного навыка выполнения подобных работ либо пользовался различными инструментами.

Первые пять букв первой строки составляют сокращенное слово "крест"¹. На сокращение указывает наличие титла в виде прямой линии с загнутыми вверх концами и отсутствие буквы "Е". Подобное же сокращение слова "крест" ("крсть") имеется на Стерженском кресте, датированном 1133 г. (Колосов В.И., 1890). Слово "кръ" встречается на Нерльском кресте (Воронин Н.Н., 1940, с. 311). Таким образом, первое слово надписи ясно показывает, что обнаруженный фрагмент белокаменного блока это часть верхнего конца креста. От следующего слова в первой строке полностью

¹ Авторы выражают благодарность сотруднику Центра археологических исследований УГК ОИП г. Москвы А.В. Алексееву, оказавшему помощь в прочтении надписи.

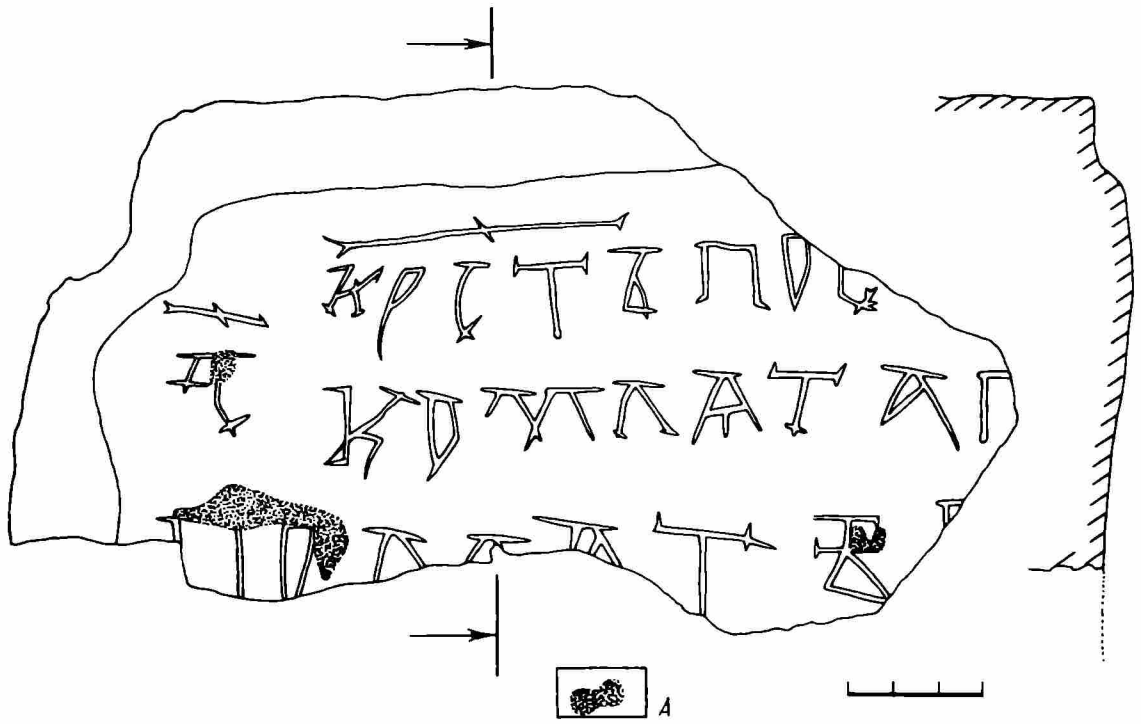

Рис. 1. Обломок белокаменного креста с надписью. Прорись

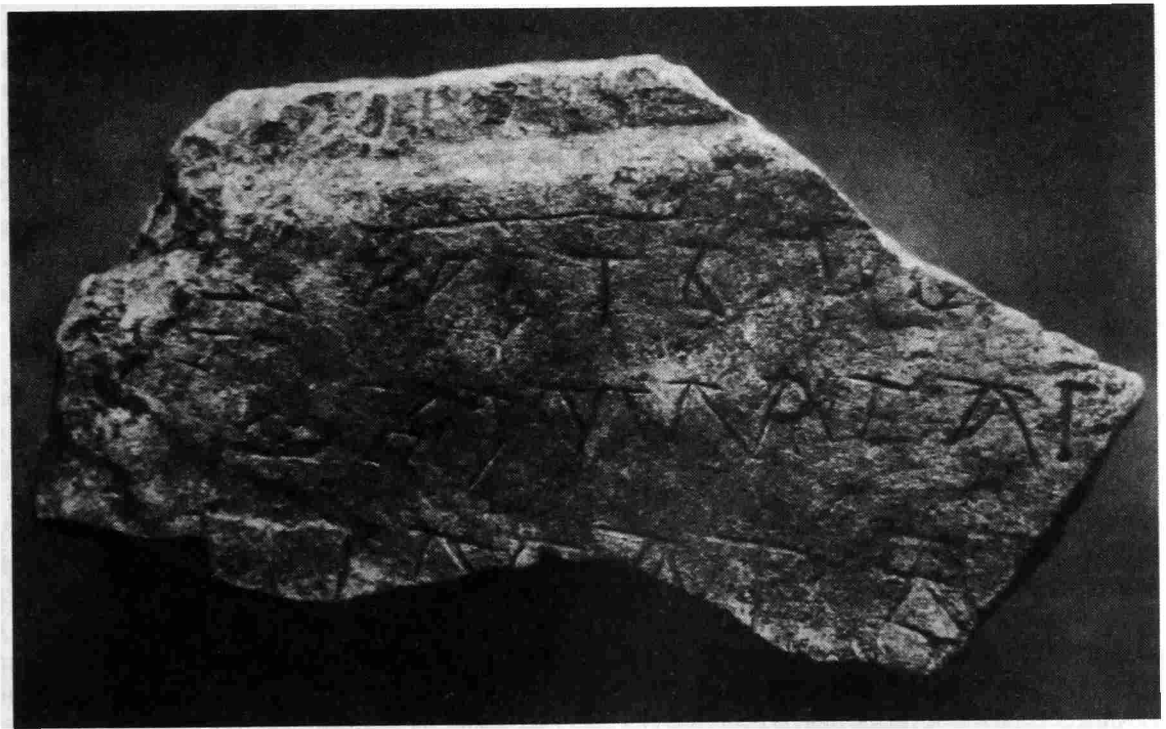

Рис. 2. Обломок белокаменного креста с надписью. Фото

сохранились лишь две его начальные буквы – "П" и "О". За ними следовала, по-видимому, буква "С", от которой сохранилась только нижняя половина. Можно предположить, что это начало слова "поставиша" (поставил). Формула "крест поставлен" (в различных вариантах) встречается на многих надгробных и памятных крестах. Так, на Стерженском кресте (1133 г.) читаем: "6641 месяца июля 11 день почых рыти

реку сию яз Иванко Павловиц и крест се поставих" (Колосов В.И., 1890); на Воймерицком кресте (XII в.): "Мирославоу и Лазоревы братья и мати Мирослава поставили хрестъ. Славоне делале" (Спицын А.А., 1903, с. 208); на кресте из Изборска (1492 г.): "Лета 700 миром поставлен крест на рабе божии на Степане" (Седов В.В., 1976, с. 103).

Первые семь букв во второй строке надписи составляют слово "Комлята". Вероятно, это мужское имя. В пользу такой интерпретации говорят многочисленные примеры древнерусских имен, имеющие окончание "та" – Людота, Ходота, Своята, Климята, Милята и т.п. Личное имя "Комлята" до сих пор известно не было. Определить его смысловое значение помогает существовавшее в древнерусском языке прилагательное "комлатый" (вариант: "комольй"), упоминаемое в некоторых письменных памятниках первой половины XVII в., где, среди прочих, оно имеет и значение "короткий, куций" (Словарь русского языка..., 1980, с. 264). Таким образом, имя Комлята могло означать просто "коротышка". От последней (восьмой) буквы во второй строке сохранился только ее верхний левый угол, однако очевидно, что подобное начертание могли иметь только буквы "П" и "Г".

Буквы нижнего, третьего ряда надписи выполнены примерно в полтора раза крупнее – их высота достигает 2,5 см. Две первые буквы этого ряда сильно повреждены сколами, но можно с высокой степенью уверенности предполагать, что это буквы "П", "О". Трактовка последующих четырех букв не вызывает сомнения: "МАТЪ". Вслед за ними в строке сохранился только верхний левый угол буквы (буквы "Р"?). Очевидно, здесь сохранилась часть слова "мать", употребленного в дательном падеже ("матере"). Использование этого слова в данной форме встречается на Воймерицком кресте XII в. (Спицын А.А., 1903, с. 208).

Две буквы, расположенные слева от строчной надписи, являются монограммой имени "Иисус", перекрытой титлом. Титло представляет собой прямую черту с тремя насечками (две по краям, одна – в середине), направленными вверх – влево. Подобные монограммы имени Иисуса Христа ("IC", "XC"), размещенные по сторонам основной надписи, – неотъемлемый атрибут намогильных и памятных крестов новгородско-псковской земли. Таков, например, крест из селения Подмошье (Седов В.В., 1982, табл. LVI, 3), где аналогичная монограмма так же, как и в нашем случае, расположена по краям верхней лопасти креста.

Итак, можно предложить следующий вариант прочтения надписи:

	Крест пос(тавиша)	
И(ису)С		(Х(ристо)С)
	Комлята г(?)	
	по мате(ре)	

Исходя из полученных данных, можно составить представление о размерах данного креста и реконструировать всю начальную часть надписи. Учитывая, что в первой строке надписи не могло быть более 2–3 слов (варианты: "крсть поставих аз", "крсть поставиша сей"), ширина стержня креста не должна была превышать 40–45 см (рис. 3). Эти размеры близки Нерльскому кресту, ширина стержня которого составляла 34–35 см (определена нами по фотографии, опубликованной Н.Н. Ворониным, исходя из общих размеров креста) (Воронин Н.Н., 1940, рис. 1). Длина первой строки и монограммы "IC" – "XC" по краям надписи диктовали одинаковую длину и второй строки, начинавшейся с имени Комляты. Какое же слово следовало за ним? Это могло быть либо прозвище, либо указание на социальное положение заказчика надписи (его профессии, титула, должности), причем это слово начиналось на "Г" или "П" и не могло содержать более 5–7 букв. Заметим, что над первой буквой этого слова видна выбоина, похожая на начало титла (рис. 2). Вариантами реконструкции здесь могут быть сочетания "Комлята посадник", "Комлята гость" и т.п. Первый вариант сомнителен из-за слишком большой длины слова "посадник", зато второй вполне вероятен (рис. 3). В

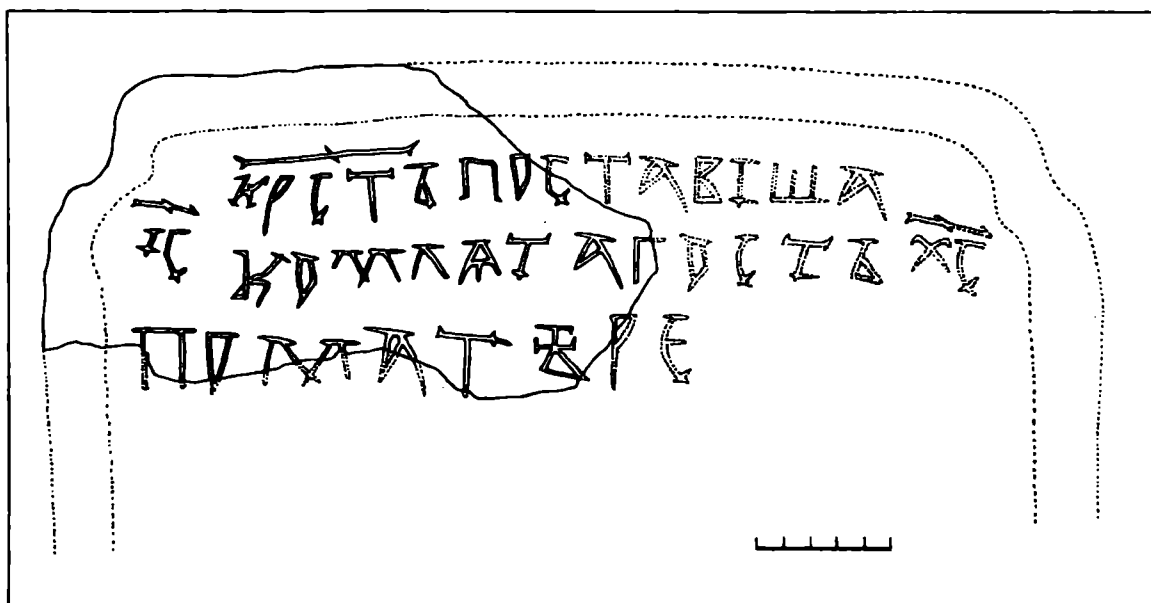

Рис. 3. Вариант реконструкции начала надписи на белокаменном кресте

пользу данной гипотезы говорит и следующее соображение: традиция установки каменных крестов в Поочье не получила самостоятельного развития (территориально ближайшие каменные кресты известны только в районе Козельска и близ Суздаля), а потому ростиславльский крест следует рассматривать скорее как результат внешнего импульса – подражания новгородско-псковским крестам. Но кому же было стать инициаторами таких подражаний, как не купцам ("гостям") – самой подвижной части городского населения средневековой Руси? Тем более что, без сомнения, рязанские купцы часто бывали в Новгороде и его округе. Разумеется, предложенная реконструкция рассматривается нами только как один из многих возможных вариантов.

В третьей строке надписи после слова "матере", очевидно, должно было стоять слово "своя", а далее, в следующих строках, – имя этой женщины и, может быть, год установки креста. В целом вся начальная часть надписи могла выглядеть следующим образом: "Крсть поставиша Комлята гость(?) по матере своя (имя)..." (рис. 3).

Теперь перейдем к палеографической характеристике букв надписи². К сожалению, в нашем распоряжении имеется не много примеров надписей X–XIV вв., вырезанных на камне (Седов В.В., 1982, табл. LVI). Ближайшим по географическому месторасположению к ростиславльскому является Нерльский крест XII в. (рис. 4), отличающийся значительно более высоким качеством исполнения надписи, которая при этом демонстрирует идентичное написание букв "А", "Р", "Юс малый". Недостаток сравнительного материала для анализа и датировки исследуемой надписи сделал необходимым привлечение довольно большого массива других эпиграфических источников – граффити на штукатурке стен зданий. Техника их исполнения в принципе сближается с резьбой по камню. При этом начертание некоторых букв на ростиславльском кресте практически не отличается от граффити.

Наибольший интерес в этой связи представляют эпиграфические памятники Рязанской земли. В качестве ближайших аналогий можно привести надписи, происходящие из раскопок Борисоглебского храма в Старой Рязани (Монгайт А.Л., 1955, с. 187). На фрагменте штукатурки читаются несколько слов: "Игорь", "валя" и, видимо, начало молитвенной надписи: "ГН ПО...". А.А. Мединцева относит эти надписи к концу XII в. (Мединцева А.А., 1988, с. 251). Важно также то, что в слове "валя" все буквы имеют на нижних и верхних окончаниях горизонтальные черточки (Мединцева А.А.,

² Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность А.А. Мединцевой за консультацию по данному вопросу.

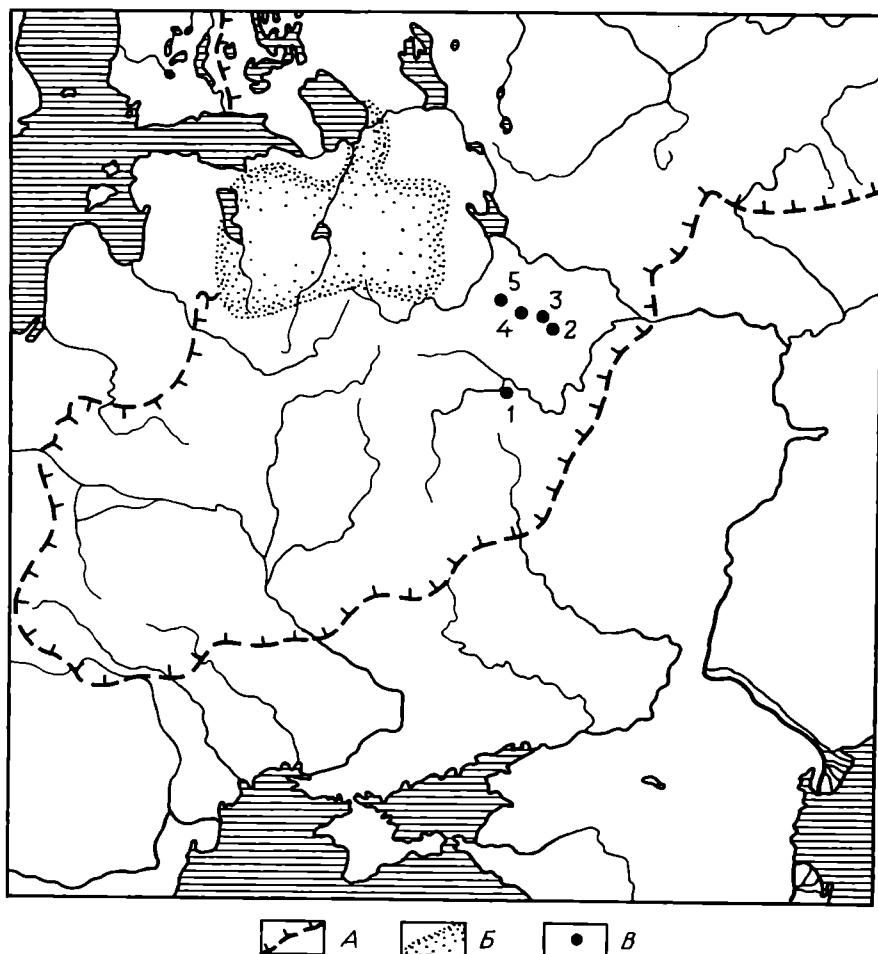

Рис. 4. Схема распространения каменных крестов с многострочными надписями на территории Руси (А – границы средневековой Руси; Б – ареал новгородско-псковских каменных крестов (по В.В. Седову); В – места единичных находок каменных крестов с надписями). 1 – Ростиславль; 2 – Нерльский крест; 3 – Суздаль; 4 – Юрьев-Польский; 5 – Переяславль-Залесский

1988, рис. 3). Эта особенность сближает старорязанские граффити с ростиславльским крестом и, видимо, указывает на их хронологическую близость. Исследователь русской эпиграфики Т.В. Рождественская отмечала, что для граффити, так же как для берестяных грамот, характерна известная "архаизация" начертания букв. С этим связано и распространение покрытия (горизонтальных черточек) у некоторых букв (Рождественская Т.В., 1991, с. 61). Можно даже предположить, что "крышечки" у букв являлись как бы "контрольной" линией для резчика. Однако в нашем случае наблюдается несколько иная картина: действительно, много букв надписи покрыто "крышечками" (А, Л, М, Юс и даже С), однако четкого горизонтального расположения буквы не имеют – они "пляшут" в строке.

В публикуемой надписи буква "А" встречена в словах "Комлята" и "мате...". В слове "Комлята" она имеет четкую остроугольную форму. Особо отметим довольно длинную поперечную черту, перекрывающую верхнюю часть буквы. В слове "мате..." эта черта выходит за букву влево. Идентичное написание буквы "А" можно видеть на старорязанских граффити конца XII в., например в слове "валя" (реконструируемом как "хваля") (Медынцева А.А., 1988, с. 251). Близкое начертание этой буквы встречается в граффити из Софии Киевской: в "надписи Мартирия" (датируется концом XII в.) (Рыбаков Б.А., 1964, с. 34, табл. XXIV, рис. 1, 2; Высоцкий С.А., 1976, с. 50), в "записи Кузьмы-вора", которую С.А. Высоцкий относит к XIII–XIV вв.

(Высоцкий С.А., 1976, с. 96), в "записи Ильи", датируемой XI веком (Высоцкий С.А., 1976, с. 32), в "надписи Петра" (XI в.) (Высоцкий С.А., 1976, с. 278), "надписи Василия-Владимира Мономаха" (начала XII в.) (Высоцкий С.А., 1976, с. 304, 305). Из Новгородских граффити отметим надпись, опубликованную под № 45 и датируемую XI в. (Медынцева А.А., 1978, с. 63), где начертание буквы "А" также совпадает с графикой ростиславльского креста. Впрочем, в той же манере эта буква писалась и позже – вплоть до XV в. (Медынцева А.А., 1997, табл. 89).

Буква "I" (И десятиричная) имеется только в монограмме "Иисус". Она слегка наклонена вправо и похожа на латинскую цифру 1.

Буква "K" встречается в словах "крсть" и "Комлята". В слове "крсть" она имеет очень маленькие размеры, по сравнению со всем словом, и как бы "висит" над строкой. В слове же "Комлята" эта буква более "развитая", причем ее нижняя ножка слегка изогнута. Мачта буквы и верхняя ножка перекрыты горизонтальными черточками.

Буква "Л" читается только в слове "Комлята". Как наверху, так и внизу у этой буквы имеются поперечные черточки, причем нижние располагаются не горизонтально, а под небольшим углом. Сходное написание этой буквы встречается в надписи о смерти Владимира Мономаха, датированной 1125 г. (Высоцкий С.А., 1976, с. 326, табл. LVII, 1).

Буква "M" встречается в словах "Комлята" и "мате...". В первом из них поперечные черточки "венчают" букву, тогда как в нижней ее части черточек нет. В слове "мате..." наблюдается несколько небрежное начертание этой буквы.

Буква "O" имеется в словах "по(ставил)" и "Комлята". В первом – "O" вырезана при помощи четырех штрихов, во втором эта буква имеет более грубое начертание с перекрещиванием штрихов.

Буква "П" встречается один раз в слове "по(ставил)".

Буква "P" встречена в слове "крсть". Ее петля имеет треугольную форму, нижняя часть мачты чуть выходит вниз за строку. Аналогичное начертание этой буквы можно видеть среди граффити из Старой Рязани (например, в слове "Игорь"). В обоих случаях буква "P" похожа на флажок (Медынцева А.А., 1988, рис. 3). Сходное начертание этой буквы встречается в нескольких надписях из Киева и Новгорода. С.А. Высоцкий отметил, что при написании буквы "P" "преобладает головка в виде треугольника, примыкающего одной из своих сторон к мачте буквы" (Высоцкий С.А., 1976, с. 176). Подобное написание встречается в надписи № 27 (датируется 1107 г.) из Софии Киевской и включено С.А. Высоцким в сводную палеографическую таблицу софийских граффити, относящихся к XII в. (Высоцкий С.А., 1976, с. 170). Такое же "P" встречено в надписях Сетира и Гаги и Сетира (относятся к середине XI в.) из Софии Новгородской (Медынцева А.А., 1978, № 19, 22) и описано А.А. Медынцевой как "P с головкой в виде прямоугольного треугольника, примыкающего прямым углом к верхней части мачты... оно отличается тем, что вертикальная линия этой буквы уже выходит за нижний уровень строки..." (Медынцева А.А., 1978, с. 63). По мнению автора, такое написание указывает на древность надписи. Такая же буква "P" встречена и в надписи № 178, датируемой XIII в. (Медынцева А.А., 1978, с. 113).

Буква "C" имеется в трех словах надписи: "крсть", "по(ставил)", и в монограмме "Иисус". В слове "крсть" она начертана в три приема, имеет поперечную черточку в нижней части, как бы ограничивающую букву. Верхняя часть буквы перекрыта горизонтальной черточкой с загнутым вверх левым концом. В слове "по(ставил)" видна лишь нижняя часть буквы "C", ее начертание аналогично. В монограмме "Иисус" эта буква также начертана в три приема, хотя и менее тщательно.

Буква "T" встречена в словах "крсть", "Комлята", "мате...". В первом из них на горизонтальной перекладине "T" имеются по краям перпендикулярные верхние концы. В слове "Комлята" буква "T" имеет такую же форму, однако снизу ее ограничивает поперечная черточка. Наконец, в слове "мате..." эта буква расположена не вертикально, а наклонена вправо.

Буква "Юс малый" встречена в слове "Комлята". Ее начертание отличается "установ-

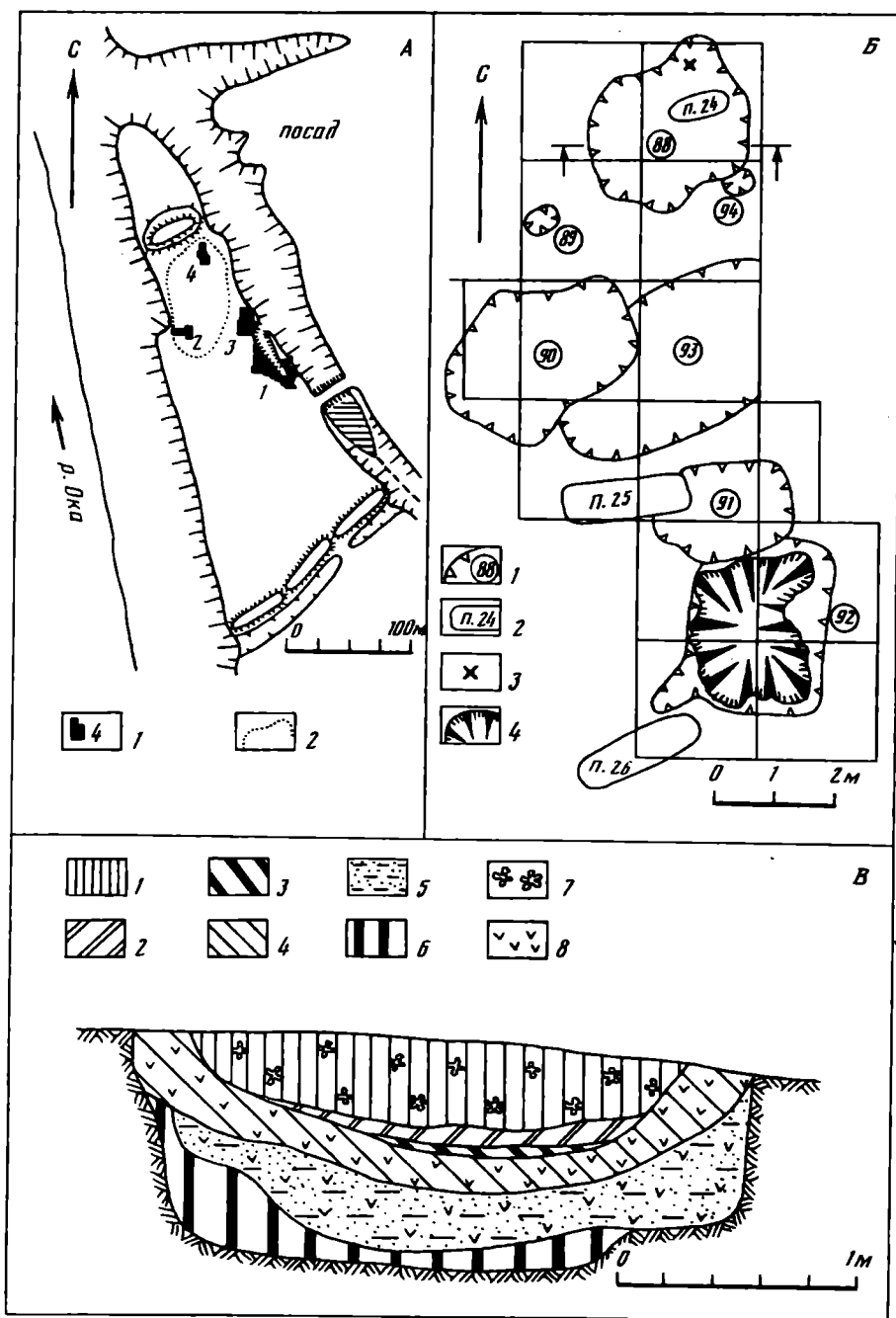

Рис. 5. Место находки обломка белокаменного креста на Ростиславле
 А – схема городища Ростиславль (1 – номера раскопов; 2 – граница позднесредневекового кладбища); Б – раскоп 4 (1 – номера ям; 2 – номера погребений; 3 – место находки обломка белокаменного креста; 4 – грабительская яма); В – разрез ямы 88 (1 – коричневая супесь; 2 – темно-серый суглинок; 3 – желтый суглинок; 4 – серый суглинок; 5 – пестрый суглинок; 6 – желтый суглинок с включениями серого суглинка; 7 – куски печины; 8 – уголь)

ной" строгостью. Над ее верхней частью прорисована горизонтальная черточка, "венчающая" букву. Подобное начертание характерно для письменных памятников XIII–XIV вв. (Пронштейн А.П., Овчинникова В.С., 1981, с. 15).

Буквой "Ъ" оканчивается слово "крсть". Нижняя петля буквы имеет правильную треугольную форму, ее начертание отличается очень хорошей проработкой.

Наконец, буква "Ять" имеется только в слове "мате...". Отметим две особенности –

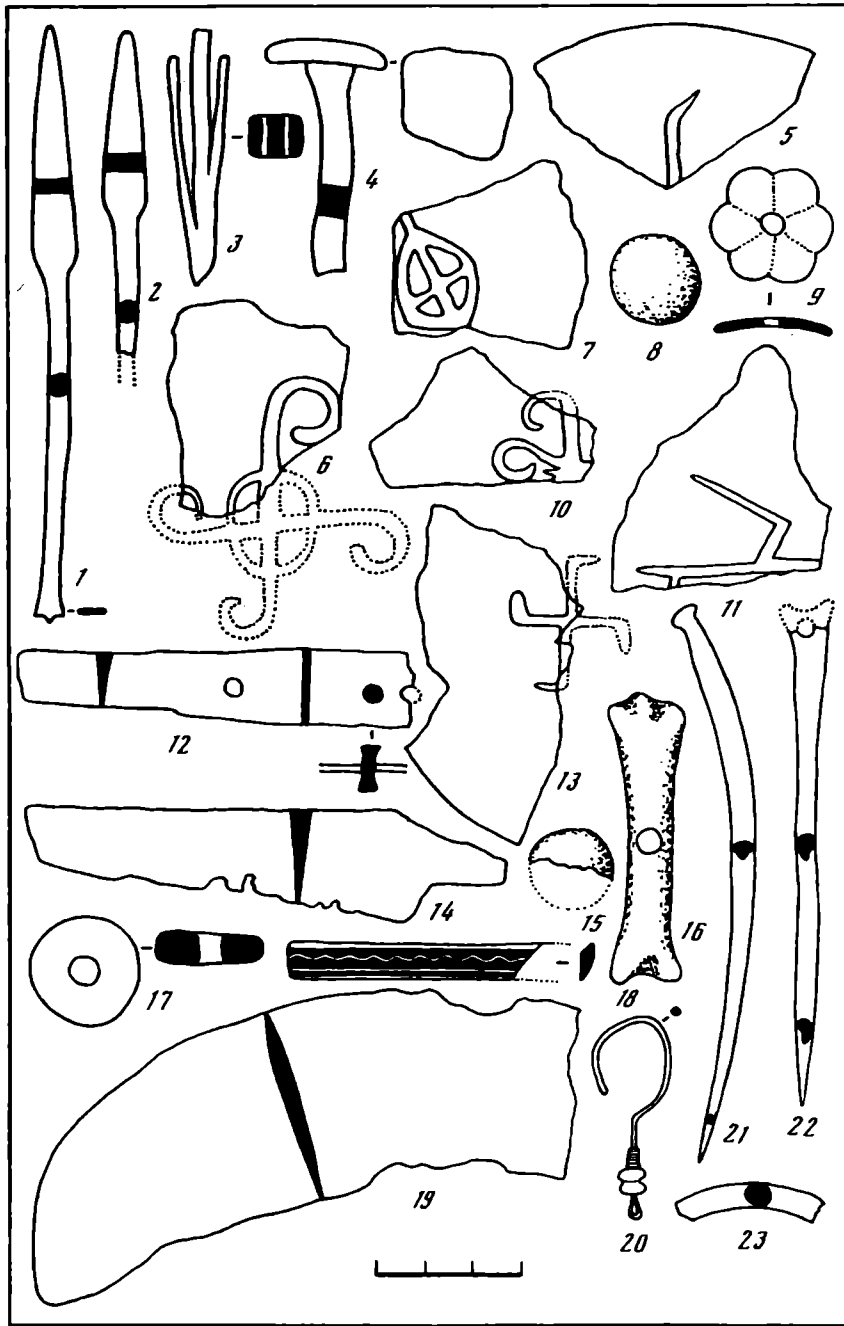

Рис. 6. Находки из комплексов на раскопе 4 в Ростиславле: 1-7 – из ямы 88; 8-11, 13, 14 – из ямы 90; 12, 15-23 – из ямы 91 (1-4, 9, 12, 14, 19 – железо; 5-8, 10, 11, 13, 15 – керамика; 16, 18, 21, 22 – кость; 17 – камень; 20 – медь, стекло; 23 – стекло)

"дополнительная" перпендикулярная черта в верхней части буквы и изогнутая влево мачта в ее нижней части.

Для палеографической датировки надписи на ростиславльском кресте особый интерес представляет граффито № 206, происходящее из Софии Новгородской, где встречено сразу несколько букв, имеющих аналогичное начертание. Таковы буквы "М", "С" (с черточкой в верхней части) и "Р". Надпись датируется XIII в. А.А. Медынцева отмечает, что "надпись выполнена... своеобразным почерком, характерной особенностью которого являются отчеркивание верхних частей букв..." (Медынцева А.А., 1978, с. 150). С подобным стремлением к "отчеркиванию" букв мы встречаемся и на ростиславльском кресте.

Палеографы отмечают следующие особенности в написании букв письменных памятников XI–XIII вв.: буква "А" часто имела крышку, "Л" состоит из двух наклонных линий, покрытых сверху перекладиной, у буквы "П" существовала слегка изогнутая ножка (правая, или левая) (Пронштейн А.П., Овчинникова В.С., 1981, с. 15, 40). На примере группы новгородских крестов показано, что "остроугольность" в изображении некоторых букв (прежде всего, Ъ) характерна для памятников XII–XIII вв. (Бочкарева М.Н., 1974, с. 108). Все эти признаки можно видеть и в надписи на ростиславльском кресте. Таким образом, исходя из палеографических особенностей этой надписи, есть все основания относить ее к XII–XIII вв.

Особо следует остановиться на условиях находки описываемого здесь обломка креста. Он был обнаружен на раскопе 4, в верхней части заполнения ямы 88 (на глубине 25–30 см от ее поверхности). Раскоп 4 был разбит почти у самого подножья вала, отделяющего мысовой узел фортификации от остальной площадки детинца Ростиславля (рис. 5, А). Необходимость охранных работ в этой зоне диктовалась возникновением здесь кладоискательских разрытий, повредивших во многих местах верхний горизонт культурного слоя и почти полностью уничтоживших один из средневековых комплексов (яму 92). Яма 88 была нарушена детским погребением, принадлежавшим позднесредневековому (XVI–XVII вв.) кладбищу, занимающему всю северную часть площадки городища (рис. 5, Б). Однако обломок креста залегал в слое серого суглинка, составлявшем срединный горизонт заполнения ямы (рис. 5, В), и к тому же на расстоянии полуметра от погребения. Следовательно, он попал в яму 88 непосредственно в момент ее заполнения. Датировка этого заполнения представляла значительную трудность, поскольку никаких узко датирующих индивидуальных находок в яме не оказалось. Здесь были найдены только железное сверло (?), обломок другого такого же орудия, обломки железного кованого гвоздя, пружины от цилиндрического замка и днищ горшков с клеймами (рис. 6, 1–7). Таким образом, датирующим материалом для ямы 88 могла быть только керамика (рис. 7). Важнейшие показатели статистических хроноиндикаторов данного комплекса представлены в таблице. Там же указаны значения тех же показателей для керамических комплексов ям 90 и 91, вскрытых в непосредственной близости от ямы 88 и, вероятно, входивших вместе с ней в состав одной усадьбы (рис. 5, Б). Границы этой усадьбы на небольшой площади охранного раскопа не могли быть прослежены, однако ясно, что она занимала северо-восточный угол площадки детинца, непосредственно перед валом мысового укрепления.

Из таблицы видно, что керамические комплексы ям 88, 90 и 91 по основным статистическим показателям весьма близки между собой, а по некоторым хроноиндикаторам идентичны, что, видимо, свидетельствует об их синхронности. К этому следует добавить, что в парах ям 88–90 и 90–91 были найдены обломки, принадлежавшие одним и тем же сосудам. Таким образом, для датировки ямы 88 допустимо привлечь находки из ям 90 и 91. Наиболее важен в этом отношении комплекс ямы 91, в котором была найдена медная проволочная серьга в виде знака вопроса, украшенная двучастной зеленой стеклянной бусиной (рис. 6, 20). Подобные серьги появляются на Руси и вообще в Восточной Европе только после прихода монгол (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 193, рис. 42, 4), т.е. не ранее второй половины XIII в. В материалах Новгорода такие серьги датируются концом XIII–XV вв. (Седова М.В., 1981, с. 14, рис. 3, 1, 8; 1997, с. 16, 65, табл. 58, 28, 29; Гайдуков П.Г., 1992, с. 96, рис. 67, 8).

Присутствие в том же комплексе шиферного пряслица и обломка гладкого стеклянного браслета зеленого цвета (рис. 6, 17, 23) позволяет предполагать относительно небольшой временной разрыв с домонгольской эпохой, в которой такие предметы имели самое широкое распространение. Впрочем, гладкие браслеты из зеленого стекла в домонгольских комплексах Ростиславля не встречены. В то же время в Твери, например, подобные браслеты более характерны для XIV в. (Дашкова И.А., 1997, с. 70). Так что и данная находка вполне могла относиться к числу стеклянных браслетов, продолжавших поступать на Русь в золотоордынскую эпоху. На такую

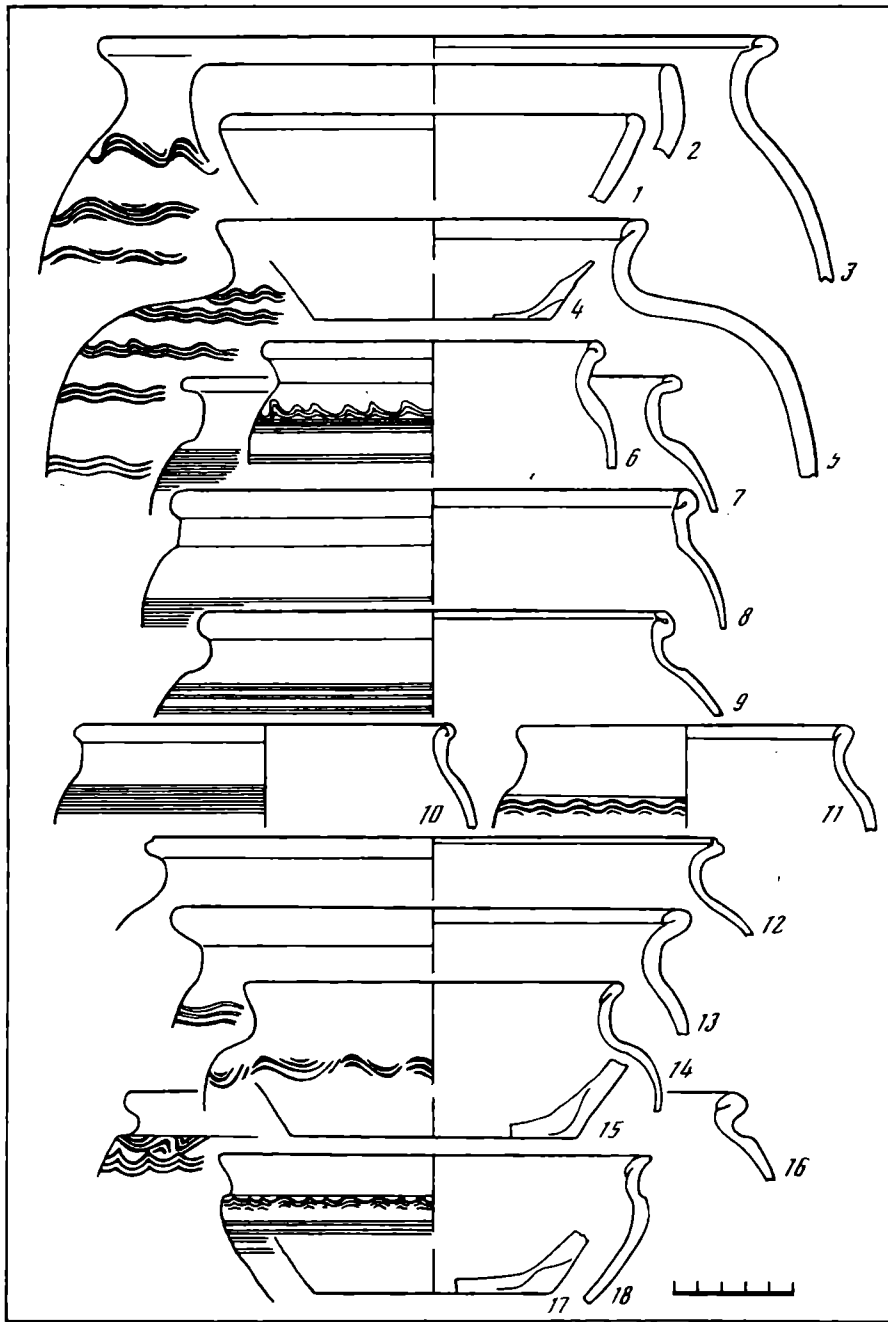

Рис. 7. Керамика из ямы 88

атрибуцию указывает и отсутствие на браслете следов иризации или патины растекловывания, характерных для стеклянных браслетов домонгольского времени, найденных на городище. К сожалению, другие находки из ямы 90 (рис. 6, 8–11, 13, 14) и ямы 91 (рис. 6, 12, 15, 16, 18, 19, 21, 22) не могут быть отнесены к разряду узко датирующих. При этом обращает на себя внимание присутствие в яме 91 многочисленных костяных изделий – брунчалки, игл, накладки с резным орнаментом (рис. 6, 16, 18, 21, 22). Учитывая, что в комплексах домонгольской эпохи на Ростиславле костяные изделия практически не встречаются, эти находки можно рассматривать как косвенное подтверждение предложенной выше даты.

Недостаток датирующих находок заставляет вновь обратиться к хроноиндикаторам керамических комплексов. Прделанная ранее работа по хронологизации керамики Ростиславля (Коваль В.Ю., 1996, с. 103–133, табл. 1) позволяет сравнить имеющиеся

Хроноиндикаторы керамических комплексов

Хроноиндикаторы керамики	Комплексы раскопа 4		
	яма 88	яма 90	яма 91
Формовочные массы типов 1.1 и 1.2 (% к общему объему керамики)	9,2	10,8	13,6
Керамика полного окислительного обжига (% к общему объему керамики)	34,8	15,5	15,6
Керамика полного окислительного обжига из беложгущейся глины (% к общему объему керамики)	2,3	3,2	10,2
Керамика восстановительного обжига (% к общему объему керамики)	13,2	13,7	26,1
Венчики типов 18/2, 23/2, 28/2 (% к общему количеству венчиков)	4,8	3,8	–
Венчики типа 3/1 (% к общему количеству венчиков)	34,4	35,1	35,9
Венчики типа 23/1 (% к общему количеству венчиков)	24,6	27,0	21,9
Днища на зольной подсыпке (% к общему количеству днищ)	51,9	61,2	58,3
Волнистый орнамент (% к общему количеству орнаментированных обломков)	33,4	37,8	35,1
Линейный орнамент типа 4 (нанесенный частой гребенкой) (% к общему количеству обломков с линейной орнаментацией)	76,0	80,0	93,0

керамические наборы с показателями хроноиндикаторов, определенных для других раскопанных объектов (имеются в виду хроноиндикаторы по формовочным массам, венчикам, днищам, орнаментации). Такое сравнение дает все основания уверенно относить исследуемые комплексы к золотоордынской эпохе. Во всех них очень мало белоглиняной керамики, доля керамики полного окислительного обжига примерно равна удельному весу керамики восстановительного обжига (мореной), днища на зольной подсыпке составляют более половины всех днищ, а среди венчиков горшков доминирует тип 3/1 (рис. 7, 6, 8, 9, 10), являющийся хроноиндикатором XIV в. (Коваль В.Ю., 1996, с. 117). Высокая доля этих венчиков, появляющихся в керамике Ростиславля не позднее конца XIII в. и прекращающих бытовать к XV в., позволяет сделать вывод о том, что комплексы ям 88, 90, 91 формировались в момент расцвета традиции производства горшков с такими венчиками, т.е. в первой половине – середине XIV в. Наконец, в декорировке сосудов здесь преобладает волнистый орнамент, употреблявшийся в домонгольскую эпоху крайне редко. Линейный орнамент на керамике описываемых комплексов в подавляющем большинстве случаев наносился многозубой гребенкой с плотно расположенными зубами.

Итак, заполнение ямы 88 и синхронных ей ям 90, 91 сформировалось скорее всего не позже середины XIV в. До этого все ямы могли выполнять роль погребов или глубоких подполий в жилых домах. После прекращения функционирования этих сооружений их котлованы использовались в качестве мусорных ям, постепенно заполнявшихся гумусированным грунтом. Разрезы ям показывают наличие в них большого количества разнородных прослоек, причем в придонной части эти прослойки состояли из заплывов материкового суглинка с незначительными включениями гумуса, которые отражают процесс обрушения материковых стенок и замыкания ям дождевой водой в период длительного их пребывания под открытым небом (рис. 5, В). Таким образом, обломок каменного креста с надписью мог быть выброшен в яму 88 на протяжении первой половины XIV в. как обыкновенный кусок белого камня, каких в заполнении любой из ям встречено очень много. Следовательно, к этому времени сам крест уже был разрушен, а его обломки не представляли для жителей города никакой ценности.

Проанализируем полученные сведения в соответствии с методикой, принятой для датировки эпиграфических памятников (Медынцева А.А., 1997, с. 150). По палеографическим особенностям, надпись на ростиславльском кресте может быть отнесена к

XII–XIII вв. По данным стратиграфии, эта находка происходит из комплекса, формировавшегося в первой половине XIV в., причем к этому времени сам крест уже был разрушен (разбит на мелкие части). Типологически и стилистически данный памятник может быть отнесен к числу намогильных крестов (согласно классификации А.А. Спицына) (Спицын А.А., 1903, с. 18). Относить этот крест к числу памятных (придорожных), видимо, не следует, поскольку его существование связано непосредственно с территорией городища. Нельзя рассматривать его и в качестве поклонного креста, так как надписи крестов этой группы, как правило, исключают использование каких-либо нехристианских имен, а имя Комлята явно относилось к их числу. Из известных нам крестов славянское имя ("Мирослав") употребляется лишь один раз – на Воймерицком кресте (Спицын А.А., 1903, с. 208), датирующимся XII в. Типично славянское имя Комлята указывает на раннее происхождение надписи, так как оно употреблено не в обиходе (как например, в Новгороде, где нехристианские имена-прозвища повсеместно встречаются в берестяных грамотах), но по торжественному случаю, что было бы возможно только в начальный период христианизации вятичей, а этот период закончился в Среднем Поочье, видимо, не позднее первой половины XIII в. Любопытно также сочетание языческого имени с христианской символикой. На Воймерицком кресте, где употребляется имя "Мирослав", такая символика отсутствует (Спицын А.А., 1903, с. 208). Традиция установки намогильных, памятных, поклонных крестов связывается исследователями с культурой словен новгородских, большая часть таких крестов встречается в Новгородско-Псковской земле в XII–XV вв. (рис. 4). Причем в Псковской земле намогильные кресты ставились преимущественно в XIV–XVI вв. (Седов В.В., 1982, с. 182). В других частях Руси известны лишь единичные случаи установки крестов, а кресты с многострочными надписями являются сугубой редкостью (рис. 4). Заканчивая рассмотрение хронологических вопросов, отметим, что, поскольку сам город Ростиславль был основан в 1153 г., значит, и крест мог появиться здесь не ранее второй половины XII в. Следовательно, по сумме всех датирующих признаков, публикуемый памятник может быть отнесен ко второй половине XII–XIII вв., а наиболее вероятным временем его возникновения нам представляется вторая половина XII – первая половина XIII вв.

Где же стоял "крест Комляты" до разрушения? Он мог стоять на привилегированном кладбище в том случае, если оно располагалось на территории города. Между тем, погребения домонгольской эпохи здесь пока не обнаружены. Предполагать связь позднесредневекового кладбища с каким-либо более ранним также преждевременно, поскольку на всех исследованных участках (раскопы 2 и 4) поздние захоронения нарушают комплексы XII–XV вв. (рис. 5, А, Б), а это значит, что до возникновения кладбища XVI–XVII вв. на данном участке располагалась жилая застройка. Поэтому более вероятной представляется возможность размещения каменного креста вблизи городского собора, который мог располагаться в северной части площадки, на краю склона, обращенного к берегу Оки, т.е. на самом видном месте. Возникает вопрос – не являлся ли "крест Комляты" результатом некоего синтеза намогильного и памятного (или обетного) креста, установленного в общественном месте? После разрушения креста, которое допустимо связывать с трагическими событиями татаро-монгольского нашествия в 1237–1240 гг., отдельные его обломки могли быть перемещены на значительные расстояния от первоначального месторасположения, будучи выброшены в мусорные ямы или сброшены вниз по склону мыса.

Обнаруженный на Ростиславле обломок каменного креста с надписью представляет собой первый на территории Рязанской земли образец эпиграфики на камне, относящийся к домонгольской эпохе. Он свидетельствует о значительно более широком, чем представлялось ранее, распространении на Руси традиции установки каменных крестов. Для Ростиславля это первый образец письменности (и грамотности средневекового русского населения), найденный на территории города. В общеисторическом плане он интересен тем, что позволил узнать неизвестное ранее древнерусское личное имя Комлята и продемонстрировал знакомство с техникой и особенностями графики на

камне в самых отдаленных уголках Русской земли. Кроме того, эта находка дает уникальный пример употребления в христианизированной Руси предмонгольской эпохи славянского языческого имени при нанесении надписи на кресте, являвшемся христианской святыней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочкарева М.Н.*, 1974. Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея // Культура средневековой Руси. М.
- Воронин Н.Н.*, 1940. Новые памятники русской эпиграфии XII в. // СА. Т. VI.
- Высоцкий С.А.*, 1976. Средневековые надписи Софии Киевской. М.
- Гайдуков П.Г.*, 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Дашкова (Сафарова) И.А.*, 1997. Украшения из стекла древней Твери // Славянский средневековый город. Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. М.
- Коваль В.Ю.*, 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9.
- Колосов В.И.*, 1890. Стерженский и Лопастницкий кресты. Тверь.
- Медынцева А.А.*, 1978. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М.
- Медынцева А.А.*, 1988. Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М.
- Медынцева А.А.*, 1997. Эпиграфика, писала (стили) и церы // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Монгайт А.Л.*, 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.
- Пронштейн А.П., Овчинникова В.С.*, 1981. Развитие графики кирилловского письма. Ростов н/Д.
- Рождественская Т.В.*, 1991. Русская эпиграфика X–XV вв. СПб.
- Рыбаков Б.А.*, 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.
- Седов В.В.*, 1976. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М.
- Седов В.В.*, 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.
- Седова М.В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М.В.*, 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Словарь русского языка XII–XVII вв., 1980. Вып. 7. М.
- Спицын А.А.*, 1903. Заметка о каменных крестах, преимущественно Новгородских // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Центр археологических исследований
УПК ОИП г. Москвы
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

V.Yu. KOVAL', A.N. MEDVED'

A NEW PIECE OF MEDIEVAL WRITING FROM RYAZAN LAND

S u m m a r y

During the excavation campaign of 1997 conducted at the fortified settlement of Rostislavl' the site representing the remnants of the eponymous city once entering the Ryazan principality, a fragment of inscribed limestone block was discovered. The fragmentary inscription was made in ancient Russian alphabet. The block represents a part of stone cross erected by a man who bore a Slavic pagan personal name Komlyata in his mother's memory. Palaeographic data, stratigraphic position and typological peculiarities of the find suggest its date to be determined as the second half of the 12th-13th centuries. The monument in question represents the earliest piece of stone epigraphy in Ryazan land dated to the pre-Mongol period. It probably followed the patterns of stone grave and memorial crosses widely spread in North-Western Russia, in Novgorod lands. This is also the first specimen of writing, and the evidence of the Medieval population's literacy excavated in the territory of Rostislavl'. The find represent a unique example of using Slavic pagan personal name in converted to Christianity pre-Mongol Russia inscribed on the cross – a Christian sacred object.